

МАРИЯ ВОЛОЩУК МАХОЩА

**НЕ ХРАНИ,
ДА НЕ ХРАНИМ
БУДЕШЬ**

НЕПРИКАЯННЫЙ

16+

Мария Волощук Махоша

**Не храни, да не храним
будешь. Неприкаянный**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Волощук Махоша М.

Не храни, да не храним будешь. Неприкаянный / М. Волощук
Махоша — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-99101-9

Опальный хранитель, отстранённый от опеки людей на сто лет за былую провинность, шатаясь между небытием и Землёй случайно становится виновником гибели той самой летучей мыши, которая несла людям пандемию. Из-за этого весь 2020 год хранителям, очень бережно относящимся к каждому посылаемому на Землю событию, придётся переписать. Все, кто имел отношение к потере заражённой мыши, будут сурово наказаны. Опальный хранитель попадает на верховный совет, где становится свидетелем принятия эпохальных решений: либо придётся снизить численность населения, либо люди начнут решать проблемы планеты как единое человечество.

ISBN 978-5-532-99101-9

© Волощук Махоша М., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Волощук Махоша

Не храни, да не храним будешь. Неприкаянный

*Если Вам вдруг покажется, что Вы это где-то уже слышали,
уверяю – Вы абсолютно правы!*

Глава 1

Я – хранитель, в принципе, потому что так называюсь, но никого не обязан хранить. Нет у меня подопечных – не доверяют, проштрафился, лишили права на хранение. Мотаюсь где хочу, делаю, что вдруг на лету приспичит, особо о последствиях не задумываясь. Захочу – котёнка с дерева сниму, захочу – человеку бесхозному пособию, захочу – ничего не захочу и праздно шатаюсь. Людей теперь много, хранителей на всех не хватает, только мне ничего в зачёт не пойдёт, потому как наказали меня на сотню лет. Раскрасили в такой серый, что аж до чёрного, и отправили «тщательно обдумывать своё поведение». Хотя я завтра весь мир спасу, а санкции останутся неизменными. Таковы правила: никакой амнистии не предусмотрено, отбывай свой срок неприкаяния от и до. При нынешнем дефиците хранителей, я полагаю, это недопустимая растрата рабочей силы, тем более, что и обдумывать мне особо нечего – никому я нарочно не злил. Но не мне решать – правила есть правила.

Сотня лет по-нашему, конечно, капля в море, но их тоже проводить как-то надо. Куда себя серющего, девать? Иногда очень похранить хочется. Пролетал, было дело, рядом с человеком, который с горы катился кубарем, и должен был весь переломаться, судя по траектории. Подхватил я его, чудесной силой уложил на снег целёхонького, а мне его хранитель за это потом набил подобие лица, поскольку в больнице ждала его встреча с медсестричкой, на всю жизнь предназначенной. Как теперь их знакомить? Она скромница, по ресторанам не ходит, с незнакомцами не заговаривает, живёт челночком между домом и работой. Мужу, если он о такой, домашней лапочке, грезит, встретить её почти несбыточно. Ну я ж не знал, я мимо пролетал! Пришлось собственноручно мужчине на ровном месте лодыжку растянуть, чтоб хоть как-то оправдаться перед коллегой и обеспечить хорошему человеку старт с светлое семейное будущее.

Чаще, конечно, благодарят, потому как не успевают сами уследить за толпой подопечных, и любая помощь приветствуется. Один горит, другой тонет, третий напивается вусмерть, четвёртый придумает, что жить не стоит, пятый челенджи¹ себе не по силам устраивает... Сотый пожарный, тысячной жених в шампанское кольцо положил, двухтысячный лампочку в рот засунул, трёхтысячная окно без страховки моет... Про детей я не говорю даже, там на мам только и надежда. Много людей стало на одного хранителя – опрометью носись, а всё равно за всеми не углядишь. Шляюсь я неприкаянный, то подхватчу, то потушу, то отопгрею, то успокою, так, без заслуг и благодарности, мимолётом. Когда человеку плохо, ему не важно, какой хранитель рядом окажется, допущенный или опальный, светло- или темно-серый – подсобил бы кто. Их хранитель может и не узнает, что было – когда ему, захопотался! Целы, и то хорошо! В общем, истинной благотворительностью занимаюсь от нечего делать.

¹ Челенж – жанр интернет-роликов, в которых инициатор выполняет задание на видеокамеру и размещает его в сети, а затем предлагает повторить за ним.

А ещё мы, хранители, на всякую земную красоту и феерию очень падки. В небытии у нас нет ничего: пустота она и есть пустота, из неё кроме пустоты ничего не слепишь. Хорошо хоть сквозь неё Землю видно. Наверняка специально так устроили, чтобы хранителей туда тянуло, к своим хранимым. Там куда ни глянь – всё глаз цепляет. Одни закаты в горах чего стоят! Сиди на вершине и смотри бесконечно. «Никогда не надоест», – думал я, пока мне не надоело.

Теперь и люди стали такие представления организовывать, словно они уже боги! Салютами небо рвут, аж северное сияние обижается, что людские огни его краше. А города по праздникам как украшают! Бывает зависнешь где-нибудь внизу, зазеваешься на красоту земную, светом новомодной иллюминации тебя обдаст со всех сторон, увидят люди и давай верещать: «Дьявол, домовый, человек-паук!» Обидно, конечно. Знали бы они...

75 лет прошло уже от моего наказания. В последнее время надоело без цели по небытию таскаться. Придумал занятие на каждый день: соорудил здоровенную мухобойку, и ну ей гонять тёмных теней. Мне они, заразы, сто лет службы испоганили, и за них точно ни один хранитель не вступится, так что, то самое для опального меня занятие. Вычислить их несложно – если прикинутся чем земным, то обязательно отвратительным: змеёй, крысой, псом бешеным, нетопырём, котом драным или чупакаброй² неведомой. С фантазией у них плохо всегда было, палятся на ровном месте. Я найду такого, понаблюдаю, как себя ведёт. Может ведь и так быть, что зверюга страшная с виду, а по сути – сама добродетель. Но если увижу, что она ничья и бродит по пятам за уходящим человеком, смерти его дожидается, так сразу занесу мухобойку... Хрясь! Останется красное пятно – значит мимо, обычную несимпатичную животину прихлопнул, извиняйте. А огнём полыхнёт, как петарда, значит угадал, прибил тёмную тень. Ай да я, ай да молодец! И лечу дальше гордый, ещё отгадывать. Какое-никакое, а времяпровождение.

Так вот в ноябре дело было. Год более чем хороший назначили, помню, много людей в мире довольны остались и хранителям полегче служилось, расслабились немножко. Проще ведь хранить тех, кто сыт, пьян и с носом в табаке, если не перебирают, конечно. Летать людям стало дешёво, они в самолёты попрыгали, принялись друг к другу в гости по всему миру кататься. Праздник у них на празднике, тратятся на безделушки разные. Класть их уже некуда, приходится покупать сначала шкафы, чтобы купленное разместить, потом квартиры, чтобы шкафы разместить. Движение! Города растут, магазины отстроили такие, что в них заблудиться можно. Банки всем денег раздадут направо и налево. Живи – не хочу, только не задумывайся, как отдавать будешь! Когда дойдёт дело до возврата, там у хранителя много работы будет, слёзы тазами выносить, но ведь это будет потом! Я даже слюнки глотал на них глядя, жалел, что сам в другую пору человеком пожил, такое завидное благоденствие на Земле организовали. Хороший год к концу шёл, с этим не поспоришь.

В тот день, 11.11.19, я особо не был на мухобойную охоту настроен. Думалось, что скоро Новый Год, хранителям опять будут «беловизором»³ степень серости замерять и задания раздавать, а я ещё четверть века не у дел. Чтобы развеять нахлынувшее самоедство, полетел на смешной китайский праздник, День Холостяка. Очень его люблю, чуть не каждый год на него гоняю. Пять единичек – день, в который одиночество достигает максимального напряжения, и это, несомненно, стоит отпраздновать распродажами и студенческими гульбищами. Собраться толпой, чтобы праздновать одиночество, это очень по-людски. Хранителям наблюдать особенно забавно, потому много наших там зависает, своим скоплением ещё эффект одиночества усиливая. По сути-то это наш праздник, ведь нет одиночек больших, чем хранители: ни дружбы у нас, ни заботы друг о друге, ни к чему мы не привязаны, кроме всего человечества. Конечно мы все там, на Земле, когда-то были, но кем были, с кем были и где были, никто не помнит. На первых порах многих вновь прибывших в подмастерья обуревают идея найти на Земле своих

² Чупакабра – сказочное существо, неизвестное науке, которое пьёт кровь домашних животных.

³ Беловизор – выдуманный прибор, который определяет соотношение белого и чёрного цвета.

из смутных воспоминаний, особенно детишек, но это остаточное, пройдёт. Их уверяют, что когда выучатся и допущены будут хранить, то в группе людей, которая им достанется, непременно будут те самые, «свои». Верят, дурачье, поэтому учатся рьяно, и хранят потом старательно тех, кого выдали хранить. Хотя там, если верить обещаниям, скорее всего уже внуки и правнуки земные. На хранителя долго учат, люди столько не живут. А я, так вообще в эти обещания не верю, для отмазки они. «Абсолютная справедливость и равное отношение к человеческим особям, независимо от национальности, пола, внешности, возраста, поступков, верований, прошлого, настоящего и будущего», – вот так у нас правильно. Мы – комки небытия, для простоты принимающие привычное людям «ангельское» обличие (хоть в природе либо руки, либо крылья – спасибо тому, кто придумал ангелу, как пауку, шесть конечностей пририсовать). Между собой нет у нас дружбы и быть не может. Поболтаем порой, или подерёмся – вот и всё общение. Одиночки мы, наш это праздник и точка, поэтому втихаря, как бы по делам, оказываемся в Китае. Вроде как, мимо пролетали, и зависли на минуточку-часик-денёк. Сверху на это смотрят снисходительно. Формально дисциплину хранительную не нарушаем, что к нам придирается?

В тот день что-то не пошло – не разгорелось настроение на праздник смотреть. Пол дня болтался над Хубеем, надоело, всё уже видено-перевидено, чуть было к себе в небытие от скуки не перебрался, и тут нетопырь рядом просвистел. Вроде обычная мышь летучая, нос подковой, а только что она посреди дня-то в небе делает? Не порядок, наверняка из тёмных теней, иначе с чего бы её на дневной свет понесло? Мухобойка у меня всегда с собой, пробовал хлопнуть нечисть на лету. Никак! Подобие рук моих отяжелело, отсохло, стало неподъёмным. «Ничего себе чернота, – думаю. – Точно тень, раз так сопротивляется!» Завела она меня своим неповиновением. Она к земле – я за ней, она по болотам – я за ней, она в пещеру хотела прошмыгнуть, раствориться среди тысяч таких же, но тут я собрал все свои силы, занёс мухобойку и прихлопнул её. Приложил к камню снаружи, у входа. Глядь, а она красным пятном разбрызгалась. Выходит, заурядная летучая мышь была, никакая не тёмная тень. Даже разочаровался немного, хотя не умею разочаровываться. В болотах плутать я сегодня не намеревался, а эта дрянь ушастая меня заманила, и обманула. Метнул я огонёк, сжёт тушку, как обычно, чтобы грязь за собой не оставлять. Не мой день, похоже. Собрался опять к себе в небытие.

Только слышу в пещере шум. Днём там тишина должна быть: мыши висят себе, в крыльях укутались, спят, ночи дожидаются. А тут писки-визги, шелест крыльев такой, словно большой вентилятор включили. Редкие вампиры даже из пещеры вылетают, обжигаются о свет и обратно. Дай, думаю, загляну, что там за мышьиные танцы? Смотрю, стоит посреди пещеры мальчишка китайчонок, лет может двенадцати, эдакий отрок, уже не ребёнок и ещё не взрослый. Машет сачком самодельным с металлической сеткой, ловит мышей без разбору, а как набьются в сеть, завязывает их, хватает следующий сачок заготовленный, и снова ловить. Нетопыри пищат, над ним вьются, на голову ему гадят, когда вяжет их за пальцы кусают. Пацан плачет, но ловить продолжает. «Упрямый какой», – думаю. Интересно стало, зачем они ему? Дай дальше подгляжу...

Пацан как четыре сачка набил, выбежал из пещеры. Моча мышьяная по волосам его на плечи стекает, пальцы все в крови, мыши в сачках бьются. Он сетки оторвал от ободов, на палку приделал, за плечо закинул, как в давние времена узелки носили, и побрёл по болотам. Как пришёл в свою деревню, скорее прятать одежду грязную и мышей в сарае. Меня ещё больше любопытство раздирает, что удумал?

Мать руки его увидела, распричиталась:

– Ай младший сын, что делаешь? Мать твоя больна, дед лежит, не встаёт, отец работает день и ночь, чтобы нас кормить. Старший сын уехал. Один ты помощник! А теперь какой ты помощник? Ай, младший сын, что ты наделал.

– Мама, не плачь! Я сделал так, что потом будет всё хорошо, и у тебя, и у дедушки. Ты подожди, поверь мне, не плач, – успокаивает тот, кого младшим сыном зовут, совсем как взрослый.

Вечерело. Мальчишка помог матери дедушку парализованного покормить, и в сарае спрятался. Отец вернулся по темноте уже. Мать ему риса и овощей подала, он рассказал, как на работе детей учил. Выходит, учитель отец, интеллигентная семья, уважаемая работа. Но не обмолвилась мать про проделки младшего сына, потому что устал кормилец, и негоже его тревожить. Назавтра выходной, но утром отец снова на работу ушёл. Пацан в сарай шаст, мышей в старый чемодан прямо в сетках упаковал и ходу из дома. Я, понятное дело, за ним, досмотреть чем дело кончится.

На перекладных добрался малец до ближнего среднего по Китайским меркам города⁴, а там смотрю и не верю – идёт он на «Мокрый рынок». Остановился перед входом, морщит его, весь трясётся, как в пещере не дрожал, лоб испариной покрылся. Ещё бы не трястись – гаже места в мире вряд ли найдёшь! «Мокрым» его называют потому, что и зверьё, и гадов морских, и змеюк и насекомых, держат здесь живьём. Забивают товар для покупателя на месте, и потом с прилавка кровь смывают прямо под ноги, так что течёт по асфальту красная река. Продают и кузнечиков, и улиток, и удавов, и рыб, и крыс, и собак, и кошек – всё, что движется. Зверушки в клетках дрожат, жмутся друг к дружке. Вонь тут наверняка вызывающая, мне не унюхать – хранители слышат только запахи смерти и жизни человеческой, и переходные туда-сюда составляющие. Попробуй, заставь себя шагнуть в такое место? А мальчишка смог.

Пока младший сын между прилавками пробирается, глаз не поднимая, корёжит его запахами да звуками, беднягу, но терпит, вперёд идёт. Вот ведь упорный пацан! Воин! Наконец, дошёл до места, где крысы жареные на палочках лежат, у которых хвосты торчат как антенны. Продавец его увидел, оживился – явно знакомы. Младший сын открыл чемодан. Мыши в сетках ещё живые, но еле трепещут без воздуха-то. Продавец головой одобрительно качает, сетки взвешивает, хвалит пацана, а тот уже бледный как смерть, ноги подгибаются. Отсчитал ему продавец денег «котлету», и тут достаёт младший сын из-за пазухи красный конверт, ХунБао⁵. Так вот оно что! Мальчишка придумал на Китайский Новый Год родным подарок сделать! И ведь никто не видит, а то бы написали сказку или легенду о добром китайском мальчике, который своим болящим помогает! Наш пацан-то, из бессмертных, потом хранителем будет!

Продавец вдобавок к оплате протянул мальчишке жареную крысу на палочке, бонус, тот отказался и побрёл прочь с вонючего рынка, ругая его, под насмешки продавцов. Вот так ведь бывает: этот рынок дал ему денег, маме и деду на лечение, а он бранится и собирается в храм, Будду просить, чтобы это ужасное место закрыли. Люди, что с них взять. Неблагодарные!

А что я? Вроде как ничего не сделал, никому не помогал, не мешал, только подглядывал, но какое-то неуловимое чувство тревоги не давало мне покоя. Что-то напряглось во мне, как струна, натянуло всё моё существо, как будто я не крылатый хранитель, а змея с рынка, которая кроме как ползать не может ничего, и полон я какой-то гадостью, отчего стал неподъёмно тяжёлым. Гоню от себя наваждение это, а оно не уходит, сильнее и сильнее давит.

– Ну и что ты наделал? – спросил вдруг меня голос.

– Кто? Я? Как раз ничего не делал, – отозвался я, точно зная, что этому голосу нужно отвечать.

– Мышь где?

– Какая? – недоумевал я.

– Летучая мышь где? – уточнил голос гневно.

⁴ Ухань – средний по размеру город с населением порядка 11 млн человек. Для сравнения в самом крупном, Чунцине – 30 млн человек, в Шанхае 24 млн.

⁵ Красные конверты с деньгами хунбао – самый популярный подарок в Китае. Красный символизирует энергию, счастье и удачу. На конверте пишется пожелание удачи и процветания их получателю.

– Все, вроде, здесь.

– Все, да не все! Здесь главной мыши нет!

Я сроду не знал, что у летучих мышей главные бывают. По мне так все они одинаковые, и невдомёк мне было поначалу, чего же голос от меня хочет.

– Ты зачем мышшь-то, ту самую, главную, убил?

– Я? – кажется я начинал понимать, что он имеет в виду. – Откуда мне было знать, что она главная? Я таких десятков могу в день хлопнуть! Нетопыри, это жместилище чёрных теней, известное дело. А эта была особо подозрительная.

– Вот, смотри, – передо мной на прилавок с птицей плюхнулся неизвестно откуда здоровенный неоципаный чёрный лебедь с длинной беспомощной шеей, разбрызгав жижу вокруг себя. – Он издох! Дохлый совсем, как его не откачивай! Баланс пошатнулся...

– И что теперь? Разве я его убил?

– Выходит ты.

– Кто-то мне сказал, что нельзя эту мышшь прихлопнуть? Кто-то предупредил, а я не послушал? Всего лишь нетопырь. Дрянь редкостная!

– Нет. Но ты не мог сам не почувствовать...

– Ээээ! Стоп! На меня не валите! И в «не» своих меня не путайте! Есть те, чья задача предотвращать случайное прерывание важных событий! Я, с моим опытом, это знаю, как никто! Они НЕ могли допустить, чтобы я НЕ почувствовал. Да что там – лицом в землю бы меня уложили, при необходимости, и я не то что мухобойкой – пальцем бы не мог пошевелить!

– Помнишь, где выкинул? – перевёл тему говорящий, поняв, что имеет дело с выдавшим виды и развести меня на признание чужой вины не выйдет.

– Помню. Сжёг на болотах, к западу от Уханя.

– Совсем?

– В пепел. Почистил за собой.

– Мы работали несколько лет, чтобы эту мышшь мутациями прокачать, создать облегчённую версию пандемии, с которой людям под силу будет справиться. Мы вычисляли точку начала эпидемии здесь, распространение, реагирование. Каждый шаг, каждый метр считали, чтобы не как с испанкой или чумой – чтобы мягче, легче! Чтобы сносно! У нас получилась всего одна идеальная мышшь, мы послали её заражать других в пещеру, а ты ей даже ни с кем пообщаться там не дал?

– Кх... Не дал. Разве что с моей мухобойкой пообщалась. Вот такой я, быстрый сокол!

– Идиот, – сказал голос и пропал, оставив меня висеть среди капающей с прилавков крови.

Ну нет, я так этого не оставляю! Да, я, возможно, накосячил, хотя не факт. А вот они точно хороши! Где были охранники важных событий? Почему у меня мухобойку не отобрали, и что это за манера оскорблять достойных опальных хранителей и не давать достойно ответить? И трус какой! Показался бы, так нет – голос. Понимаете ли, «персона», с надменностью мне вещает с небес. Целый год я своей мухобойкой загубил? А ты появишься, зависни передо мной, если такой умный, и разберёмся на равных, кто обязан был эту мышшь хранить, как зеницу ока! Терпеть таких не могу, наверняка из верховных заседателей. Можно подумать, я таким не был. Был! И заседал, и решал, и события хранил – всё со мной было. Теперь я опальный, да. *C'est la vie*⁶ Он тоже потом будет. Все хранители через это проходят по правилам вечности – не получится быть всегда хорошим. А такого, как голос этот, вообще не понятно, как в хранители взяли! Трусливая ошибка проведения.

Я страшно разозлился и стремглав рванул в небытие. До Нового Года оставалось ещё больше месяца. Если я не прав, меня призовут и перекрасят в серый ещё темнее, чем сейчас.

⁶ *C'est la vie*, французский, «Такова жизнь»

Хотя куда темнее-то? Или нет... Не положено. Когда я отбываю столетний срок, никто меня не может снова судить, если я правила служения не нарушал. А я не нарушал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.